

НАПОЛЕОН В БОРОДИНСКОМ СРАЖЕНИИ
(Опыт микроисторического исследования)

9 сентября 1812 г., в середине дня, Наполеон въехал в Можайск¹ⁱ. Каменный купеческий дом, выходящий фасадом на площадь, возле спуска с крутой горы, на которой высился недостроенный Никольский собор, был немедленно приспособлен под Главную квартиру императора. Хотя дом был либо также не достроен, либо уже разорен проходившими войсками, но он был, по крайней мере, все же лучше палатки, в которой Наполеон провел четыре холодных и дождливых ночи. Наполеон был болен — он сильно простыл, обострилась уремия, а теперь еще и начался ларингит. Голос совершенно пропал. Вместо того, чтобы диктовать многочисленные приказы и письма, как он всегда делал, император был вынужден царапать своей рукой на бумаге текст, передавая его затем секретарям, адъютантам и другим чинам Главной квартиры. Те, с трудом разбирая каракули, переписывали эти тексты. Темп работы был очень интенсивным. От нетерпения император стучал по столу карандашом, требуя от помощников забирать все новые и новые черновики²ⁱⁱ.

В какой из тех сентябрьских дней 1812 г., отмеченных великой битвой под Бородином, началась болезнь императора? Оказала ли она, и насколько, свое влияние на характер его решений и поступков? Оговоримся сразу: в отечественной литературе не принято” даже сомневаться в том, будто болезнь Наполеона могла каким-то образом повлиять на ход и результаты Бородинского сражения (чуть ли не единственным исключением являются работы Е.В. Тарле). Между тем, во французской литературе исследование этого “казуса” имеет уже длительную историю. Начало ее следует отнести к 20-м годам XIX в., когда в 1823 г. были опубликованы работы военного историка полковника Ж.Шамбрэ, в 1812г. капитана гвардейской артиллерии, и Ф.-П.Сегюра, главного квартирьера Главной квартиры императора во время русского похода. Несмотря на разницу в характере этих произведений, книги и того и другого указывали на болезнь императора в день Бородинского сражения как на существенную причину “ленивой мягкости” и безынициативности Наполеона. Это обернулось отсутствием должной скоординированности в атаках на русские позиции и отказом от использования гвардейских резервов для закрепления достигнутой победы. Работа Сегюра вызвала резкую критику со стороны Г. Гурго, в 1812 г. ординарца императора, утверждавшего о “кипучей деятельности” Наполеона 6-го и 7-го сентября и о том, что болезнь обострилась только в Можайске, хотя и там она несколько не мешала императору интенсивно работать.

В последующие годы и десятилетия обе точки зрения находили себе приверженцев. Не вступая прямо в полемику о болезни императора, разделяли по-существу мнение Гурго такие участники похода, как секретарь Наполеона А.-Ж.-Ф. Фэн, штабной полковник Ж.-Ж.-Ж. Пеле и обер-шталмейстер императора А.-А.-Л. Коленкур. Писали о незренье Наполеона накануне и в день сражения как об одном в ряду других факторов, определивших ход битвы, префект императорского двора Л.-Ф.-Ж. Боссэ, маршал Л. Гувийон-Сен-Сир, историк Л.-А. Тьер. С другой стороны, главный интендант Великой армии М. Дюма, инспектор смотров в кабинете начальника Главного штаба П.-П. Денье, адъютант начальника Главного штаба Л.-Ф. Лежен и другие стали продолжателями традиции Шамбрэ и Сегюра. С середины XIX в., примерно на 100 л, спор неожиданно угас. Ушли из жизни участники русского похода, закончилась публикация материалов тех из них, кто так или иначе был близок к императору. Историки целиком погрузились

в изучение “объективных” факторов, предпочитая их “малоинтересным” спорам о насморке Наполеона. Только во второй половине XX в. французские (Л. Мадлен, Ж. Блонд, Ж. Транье и Ж.-К. Карминьяни, В.-Ж. Ле Сеньер и Е. Лакомб), английские и американские (А. Палмер, К. Даффи, К. Кэйт, П. Бриттен Остин, Д. Смит и др.) историки стали писать вновь о болезнях императора в день Бородинского сражения. Однако, большей частью, эти работы не добавляли ничего нового, просто пересказывая авторов XIX в.³ⁱⁱⁱ Сегодня, когда наряду с преобладавшими ранее позитивистскими и структуралистскими взглядами на историю, появились основы новых подходов к прошлому (в том числе и микроисторических), эта “малозначимая деталь”, как болезнь императора и полководца, может предстать как важный элемент подлинной, очеловеченной истории. Общей предпосылкой успешного решения этой задачи является максимально возможная детализация событий, позволяющая, до известной степени, избежать подмены подлинной реконструкции прошлого субъективным взглядом историка.

С самого начала русская кампания 1812 г. проходила для Наполеона в атмосфере дурных предзнаменований и постоянно ускользавшей от него удачи. “...в продолжение всей этой войны я постоянно испытывал над собою, — повествовал участник похода и военный теоретик А.-А. Жомини от имени Наполеона, — влияние какого-то злого рока, который, как бы нарочно, порождает обстоятельства, выходящие из круга всякого расчета вероятностей и лишал меня плодов наилучше обдуманых соображений”^{4iv}. Это не могло не нагнетать в Наполеоне растущего чувства дезориентированности и некоторой растерянности. “Завтра в 5 часов взойдет солнце Аустерлица!” — патетически сказал Наполеон маршалу И. Мюрату, ожидая сражения у Витебска. Но решительного сражения не произошло ни под Витебском, ни под Смоленском. Изменила Наполеону военная удача и у Валутиной горы, когда по малообъяснимому стечению обстоятельств (Наполеон возложил основную вину на генерала Ж.-А. Жюно), русская армия снова ускользнула от погони.

После тягостных раздумий в Смоленске Наполеон вновь бросается за русской армией, надеясь, что на подступах к Москве она все-таки решится на генеральное сражение. Располагая чрезвычайно скудной информацией о противнике, Наполеон в самом начале сентября все же поразительно точно смог предсказать день главной баталии. 2 сентября он отдал приказ о дневном отдыхе, переключке и подготовке к сражению. Подсчет личного состава исходил из того, сколько человек сможет присоединиться к главной армии за 5 дней, то есть сражение, по мнению Наполеона, должно было состояться 7 сентября!

Утром 4 сентября авангард Мюрата атаковал русский арьергард у дер. Твердики и заставил его отступить вначале к с. Гриднево, а затем далее — к Колоцкому монастырю. В тот же день в час дня Наполеон сел в Гжатске верхом на лошадь, вначале на Москву, затем на Тори, и, проехав 30 верст, прибыл к 6 вечера в окрестности Гриднево и дер. Прокофьево. Квартирьеры императора немедленно разбили палатки для него и его штаба; палатки были окружены плотными линиями каре пешей гвардии^{5v}.

Погода, начиная от Смоленска, преподносила солдатам Великой армии все более неожиданные сюрпризы. Днем стояла сильная жара, дорогу заволакивали густые облака пыли, а ночью был холод. 4-го заметно похолодало и днем, а к утру 5-го французы увидели на траве изморозь^{6vi}. Палатка Наполеона, казалось бы, была устроена прекрасно. Разделенная на несколько комнат, она давала ему возможность отдыхать на раздвижной кровати под пологом, обедать и работать. Заднее отделение было отведено под кабинет для секретарей, а прихожая - для дежурного адъютанта. Часть палатки обогревалась печкой, был оборудован и клозет. Обычно рядом ставилась палатка для

начальника Главного штаба маршала Л.-А. Бертье, который мог, таким образом, постоянно находиться рядом с императором, одновременно не мешая ему. Офицеры квартиры и штаба либо располагались в палатках, разбитых неподалеку, либо в каких-нибудь местных строениях.

В 1812 г. Наполеон был уже не молод. Еще под Аустерлицом в 1805 г. он как-то сказал, что для войны нужен определенный возраст: “Я оставляю себе еще 6 лет, после чего даже я должен буду остановиться”. Наблюдавшие его в 1812 г. отмечали, что верховая езда начала утомлять его, он стал более сонлив, начал испытывать пристрастие к вкусной пище, часто вспоминал о маленьком сыне, беспокоясь о его здоровье. Но главное, в сентябре приближалось осеннее равноденствие, когда Наполеон всегда чувствовал себя плохо. Холодная ночь с 4-е на 5-е сентября дала себя почувствовать^{7vii}.

5-го сентября в 6 утра авангард Мюрата двинулся к Колоцкому монастырю, тесня русских егерей и кавалерию. В 9 утра император, сев верхом на лошадь по имени Куртуа, оставил бивак и поехал вперед, вслед за авангардом. Постепенно выглянуло солнце. Но в 10 утра подул холодный ветер, который уже не стихал в течение всего дня^{8viii}.

Утром 5-го французскому авангарду удалось достаточно быстро вытеснить русских из Колоцкого и дер. Акиньино. Корпус генерала Е. Богарне, угрожая русскому арьергарду обходом с севера, заставил его спешно отходить далее. В целом, действия авангарда (точнее — авангардов) Великой армии развивались очень успешно. Французы так наседали на русский арьергард, заставляя его спешно отходить, что расстояние между основными силами русской армии и арьергардом каждый день угрожающе сокращалось, заставляя русского главнокомандующего М.И. Кутузова поторопиться с генеральным сражением^{9ix}.

Где-то после полудня Наполеон, двигаясь вслед за авангардом, подъехал к Колоцкому монастырю. Там еще оставалось несколько монахов. Один из них много позже рассказывал: “Мы только что сели обедать, как они набежали. Он вошел, как был, в шапке, пожелал нам по-польски доброго аппетита, и — как раз против меня было пустое место, — перешагнув через скамейку, взял ложку и стал есть наши щи. Съел немного, сказал: “Добрые щи!” — и ушел...” После этого Наполеон, вероятно, поднялся на колокольню, откуда попытался разглядеть вдалеке русские порядки^{1x0}.

Двинувшись от монастыря дальше, Наполеон вскоре был извещен Мюратом о том, что русская армия расположилась на уровне с. Бородино, и что значительно впереди, южнее Московской дороги, возвышается редут, прикрытый большим количеством войск. Где-то в половине третьего Наполеон прибыл в поле видимости русского арьергарда. Наполеону было довольно трудно самому разглядеть то, что происходило вокруг Шевардинского редута: местность застилалась дымом горящих деревень, а затем стало быстро темнеть. Но главное, в чем Наполеон убедился, — перед ним, в тылу редута, раскинувшись влево и вправо, стояла вся русская армия. Наступал долгожданный час генеральной битвы. Атакуя Шевардинский редут, император вряд ли полагал, что его захватом он спугнет русскую армию — редут он расценил как передовое укрепление, которое мешало ему хорошенько обозреть русские позиции и развернуть войска. Только на следующий день, увидев странный загиб русского правого фланга, он мог допустить мысль о том, что Шевардинский редут был левым флангом русской позиции, которая почему-то, вопреки всякой логике, была 5-го сентября развернута флангом к наступающей французской армии. Вообще, серьезные трудности для французского командования создавало отсутствие хороших карт^{1x1}. Для того, чтобы сориентироваться, французское командование вынуждено было непрерывно проводить

тщательные рекогносцировки. Беглая рекогносцировка, в основном в районе Московской дороги и чуть севернее ее, проведенная Наполеоном лично 5-го сентября, могла дать только общее представление о том, что русская армия остановилась, возможно, для генеральной баталии. Но, уже не раз обманутый в своих ожиданиях во время русского похода, император уже ни в чем не был уверен.

Когда 5-го уже совсем стемнело, в 8 часов вечера к западу от дер. Валуево установили палатку императора. Рядом была раскинута палатка Бертье. Части императорской гвардии разбили свой бивак в виде огромного каре, в центре которого оказались императорские палатки. Часть чинов Генерального штаба и Квартиры расположилась в оставшихся строениях Валуево^{1xiii2}. Поздно вечером 5-го сентября, когда бой за редут уже закончился, император приказал произвести рекогносцировки и отдал предварительные приказы на сражение утром следующего дня. Но уверенности в том, что “ему придется начать атаку завтра утром”, у Наполеона не было. Как считали Коленкур, Шамбрэ и Пеле, Наполеон опасался, что русская армия могла ночью снова сняться и уйти. Поэтому император ловил любые сведения, могущие помочь понять намерения противника. Ночью в палатку императора возвратился Коленкур, ездивший к захваченному редуту; он сообщил, что пленных нет. Наполеон подробно расспросил Коленкура, что тот увидел и что он думает о намерениях русских. С одной стороны, опыт и проницательность говорили Наполеону, что русские обязательно должны дать решающее сражение под Москвой, и что недавно назначенный главнокомандующим Кутузов с неизбежностью должен был на это пойти. Упорство русских, с которым они защищали Шевардинский редут, всего-навсего только передовое укрепление, казалось, это доказывало. Но полной уверенности у Наполеона не было — он боялся, что к утру призрак русской армии вновь растает. Вполне реальной была возможность, что Кутузов вообще сдаст Москву без боя. Тогда весь поход на Москву, имевший двойную цель разбить русскую армию и покорить древнюю столицу, оказался бы во многом обесцененным, и это поставило бы исход всей кампании под серьезную угрозу.

Той ночью в палатке Наполеона дежурил генерал-адъютант Ж. Рапп^{1xiii3}. Позже события дней и ночей, которые предшествовали сражению, сольются в памяти Раппа воедино и обрастут явными неточностями^{1xiv4}. Но общее настроение императора Рапп передал, без сомнения, верно. Наполеон спал мало, погруженный в состояние нервного ожидания. Под утро, чтобы согреться, он потребовал пуншу. Испытывая потребность в разговоре и найдя собеседника в лице Раппа, он, размышляя вслух о русском командовании, о трудностях, с которыми столкнулась Великая армия, о том, что “счастье самая настоящая куртизанка”, попытался убедить прежде всего самого себя в несомненном успехе предстоящего сражения^{1xv5}.

В 2 утра 6 сентября Наполеон начал рекогносцировку, завершившуюся в 9 - начале 10-го. Убедившись, что русская армия осталась на месте и готовится к сражению, Наполеон вместе с тем был сильно озадачен. Правый фланг противника непонятным образом загибался на северо-восток и исчезал из поля видимости, а левый, не менее странно, примыкая правым крылом к Московской дороге, обрывался возле северной кромки Утицкого леса. Наиболее убедительным объяснением необычного расположения противника могло быть только то, что Шевардинский редут, взятый накануне, был не чем иным как опорным пунктом левого фланга. Теперь, потеряв опору, русские отвели этот фланг, сделав облический загиб фронта, и это ставило их в весьма невыгодное положение. Они могли снова сняться и уйти без боя. Наполеон гнал от себя эту мысль. В продолжение всей рекогносцировки он “разговаривал с начальниками, его приветствовали солдаты”. Проезжая через бивак генерала К.-П. Пажоля, он услышал

патриотический припев: “La victoire en chantant nous ouvre la barriere!”^{1xvi6} Армия жаждала сражения, которое завершило бы тяготы неудачно начавшегося похода, и это питало оптимизм Наполеона. Возвратившись в ставку, император “объявил о приказе на день, по которому армия должна была в оставшееся время подготовиться к битве на следующий день” (Денье). Распоряжения, отданные Наполеоном в ходе первой рекогносцировки, ясно говорят о том, что он решился, сделав свой северный фланг опорной точкой, произвести захождение правым крылом. Но конкретный план этого захождения был еще не до конца ясен. Коленкур полагал, что Наполеон колебался — “сделать ли глубокий маневр правым флангом, чтобы обойти позицию неприятеля..., или же занять такие позиции..., чтобы иметь возможность атаковать неприятельский центр с фронта и тыла, начав атаку правым крылом”^{1xvii7}

Возвратившись из первой рекогносцировки к своей палатке у Валуево, Наполеон застал там Боссэ, префекта двора, только что прибывшего после 37 дней пути и доставившего несколько бумаг от императрицы. В специальном ящике Боссэ привез портрет сына Наполеона. Префект, видя, что попал в канун большого сражения, полагал, что император повременит несколько дней с лицезрением портрета. Но все произошло не так^{1xviii8}.

Размышления о жене и сыне были для Наполеона постоянными во время русского похода. Большое количество писем, отправленных Марие-Луизе и составленных в короткие промежутки между неотложными делами, проникнуты подлинным чувством стареющего мужчины и государя. Наполеон искренне радовался любому письму или известию, касавшемуся его супруги и любимого сына. К дню рождения Наполеона Мария-Луиза посылает ему миниатюрный портрет Орленка, выполненный м-ль Эме Тибо. Римский король был изображен на нем верхом на овце. Получив этот портрет неделей позже своего дня рождения, из рук аудитора Государственного совета г-на Дебонер де Жифа, нагнавшего армию, Наполеон был искренне рад, любуясь на изображение сына. “Поцелуй его от меня дважды”, — немедленно написал он Марие-Луизе^{1xix9}. Эта миниатюра будет с Наполеоном до самой смерти.

В письме от 13 августа Мария-Луиза написала Наполеону о том, что их сын легко болен. И хотя на следующий день императрица уже сообщила, что он выздоровел, Наполеон еще в течение нескольких дней писал об этой болезни. Вечером 2 сентября, готовясь к решающему сражению, Наполеон пишет Марие-Луизе из Гжатска (уже второй раз в один день!): “Уже 19 лет, как я на войне и веду баталии и осады в Европе, в Азии, в Африке. Я тороплюсь закончить эту кампанию для того, чтобы как можно скорее возвратиться к тебе и доказать тебе те чувства, которые ты внушаешь”^{2xx0}.

Теперь, получив портрет сына перед великой битвой, Наполеон в волнении приказал немедленно достать его из ящика. Желая, чтобы портрет был все время перед глазами, он распорядился поместить его в палатке. “Его глаза выражали истинное умиление” (Боссэ). Желая разделить свои чувства с соратниками, Наполеон созвал всех офицеров своей Квартиры и всех генералов, находившихся рядом, чтобы и те увидели портрет. На портрете, выполненном Жераром, был изображен 20-месячный прелестный ребенок, играющий в бильбоке. Правда, вместо палки в его руке был скипетр, а в другой — вместо мяча — земной шар. “Господа, — сказал Наполеон, — когда моему сыну будет 15 лет, верьте, что он будет так же храбр, как на картине”. “Этот портрет восхитителен,” — добавил он моментом позже. Затем Наполеон приказал одному из лакеев вынести картину из палатки, чтобы офицеры и солдаты гвардии также смогли полюбоваться. Поставленный на складной стул возле палатки, портрет привлек целую толпу любопытствующих. Старые усачи-гвардейцы, множество раз видевшие

императорского ребенка, отпускали замечания: “Надеемся, — сказал один сержант, — что он пойдет дорогой своего отца”. “Надеемся, — вторил ему другой, — что у него вырастут усы” (Усач-гвардеец хотел без сомнения сказать, что Орленок быстро вырастет). Портрет оставался возле палатки довольно долго. Но вероятно сразу после возвращения из второй рекогносцировки Наполеон приказал портрет унести: “Уберите его, он слишком юн, чтобы быть на поле битвы”^{2xxi1}. Помимо того, что уже стало смеркаться, что-то еще заставило Наполеона унести портрет в палатку и поместить его в ящик. Что именно?

Вскоре после Боссэ в ставку императора прибыл капитан Ш. Фавье, адъютант командующего французскими войсками в Испании маршала Мармона. Сообщение о серьезной неудаче О.-Ф.-Л. Мармона при Арапилах 22-го июля пришло к императору 2-го сентября в Гжатске. Тогда, прочитав рапорт самого маршала, Наполеон остался недоволен характером информации, так как в рапорте было “слишком много трескотни”. Император нуждался в более достоверной и подробной информации^{2xxii2}. Наполеон долго беседовал с Фавье, расспросил даже о ране Мармона. Хотя испанские дела не могли обрадовать императора, и он “смутно угадывал все последствия этого несчастного события” (Фэн), в целом рассказ Фавье был им воспринят спокойно, даже “с какой-то насмешливостью” “... русские дела в данный момент были слишком серьезны, для того, чтобы его заботили неудачи герцога Рагузского (Мармона — В.З.) в Испании, “ — вспоминал позже Коленкур. Пытаясь отогнать от себя неприятные мысли об Испании, Наполеон после разговора с Фавье стал напевать строки из Ж.-Б. Люлли:

L'impatience indocile
Du compagnon de Paul Emile
Fit tout le succes d'Annibal^{2xxiii3}.

Сюжет, который пришел на память Наполеону, касался событий 2-й Пунической войны, когда консул Гай Теренций Варрон, вопреки мнению другого консула Луция Эмилия Павла, сторонника постепенного истощения противника, настоял на решительном сражении с Ганнибалом, и это привело к страшному поражению римлян при Каннах. Теперь, сам выступая в роли Ганнибала и видя наконец-то перед собой противника, решившегося на генеральное сражение, Наполеон пытается вдохнуть в себя и в окружающих решимость одержать победу; мысли об Испании пока не должны были отвлекать его от главной задачи. Новости о проигранном Мармоном сражении было решено оставить тайной для армии.

В 2 — начале 3-го император, стараясь еще раз увериться в готовности русских принять сражение и увидеть перемены в их порядках, отправляется во вторую рекогносцировку. Она убедила его в том, что русские примут сражение, “облически” загнув свою позицию от Московской дороги до Утицкого леса. В результате второй рекогносцировки Наполеон склоняется к тому, чтобы начать главную атаку из района Шевардинского редута^{2xxiv4}.

Когда Наполеон объезжал линию фронта во второй раз, он почувствовал усталость. Легкая простуда, которая началась еще в ночь с 4-е на 5-е, лихорадочное ожидание событий с 5-е на 6-е, когда Наполеон почти не спал, длительная поездка холодным утром под накрапывающим дождем, — теперь вылились в явную болезнь. Помимо насморка, обострилась уремия. Сегюр видит, как боль заставляет Наполеона слезать с лошади и долго страдальчески стоять, опираясь на колесо орудия.

Во время или сразу после второй рекогносцировки маршал Л.-Н. Даву, который сам углублялся в Утицкий лес, предложил Наполеону осуществить глубокий обход русских войск на самом южном фланге. Задействовав 1-й и 5-й армейские корпуса, маршал предлагал выйти ночью во фланг и тыл неприятеля, прорвать его основную

коммуникационную линию Новую Смоленскую дорогу - и, отрезав его от Можайска, — отбросить в мешок между р. Колочей и р. Москвой. Несмотря на плохие карты, было все-таки понятно, что сразу от Бородина Большая дорога заметно отклоняется к югу и что, таким образом, выход на нее французов заметно облегчается. “Вечно вы со своими обходами! Это слишком опасный маневр,” — резко бросил Наполеон, согласно Сегюру. Столь ли уж совершенно Наполеон был уверен в бессмысленности предложения Даву? Согласно рассказам, ходившим среди деятелей I Империи, после слов Даву император обратился к государственному секретарю П.-А. Дарю: “Что Вы думаете? — спросил он. “Сир, — ответил Дарю, — я полагаюсь на маршала Даву, так как из всего Вашего окружения он провел рекогносцировку наиболее основательно”^{2xxv5}. И все же предложение Даву было отвергнуто. Наполеон решился на фронтальный бой, отказавшись от глубокого маневра. Среди множества военных причин, вызвавших это решение, главная, конечно, заключалась в возможности отхода русских, если бы те увидели признаки стратегического обхода. Наполеон испытывал такое давление времени, ему столь срочно требовалась решительная победа, что он решился на наиболее кровопролитный и наименее эффективный вариант боя. Но ведь Наполеону была прекрасно известна стойкость русских хотя бы по Прейсиш-Эйлау, и, принимая в расчет соотношение сил, можно было видеть, что избранный вариант сражения не мог обещать Великой армии полного успеха. “Необычайная широта полета мысли и чрезвычайная смелость замыслов, граничащая с дерзостью и сопряженная нередко со страшным риском” (А.П. Скугаревский) теперь изменили ему. Чисто тактические причины вряд ли смогут объяснить решение Наполеона. Очевидно, что у Наполеона все более обострялось состояние напряженности и неуверенности, столь нехарактерные для него ранее. Множество раз исчезавший призрак русской армии, отказ Александра I от каких-либо переговоров, невероятные лишения, которые уже испытала Великая армия, неприятные вести из Испании, заставившие Наполеона действовать не только как полководца, но как государя и, наконец, общая физическая усталость и болезни — все это не могло не сказаться на поступках военного гения^{2xxvi6}.

Накануне сражения (трудно сказать точно, какого именно числа; ясно только, что это было в начале сентября) император сказал своему личному врачу Э.-О. Метивье: “Да, доктор, видите, я стал старым”. Сам же Метивье сообщает, что у Наполеона был сильный сухой кашель, затрудненное прерывистое дыхание, он мог мочиться с трудом, только по каплям и с болями; моча была густая и с осадком, его ноги и ступни сильно отекали, пульс был лихорадочным и прерывистым^{2xxvii7}. 6 сентября Наполеон пишет Марие-Луизе письмо: “Мой добрый друг. Я очень устал. Боссэ доставил мне портрет Короля. Это шедевр. Я очень ценю Твою добрую заботу. Он (портрет — В.З.) прекрасен, как Ты. Я напишу Тебе более подробно завтра. Я очень устал. Прощай, моя дорогая. Наполеон, 6 сентября”^{2xxviii8}.

Поздно вечером Наполеон закончил отдачу приказов войскам на следующий день. Все они касались только начала сражения. Дальнейшие приказания должны были отдаваться императором в зависимости от хода событий. Таким образом, предполагалось, что все нити управления боем 7 сентября будут находиться в руках Наполеона, а командиры корпусов смогут проявить только частную инициативу. К ночи Наполеон получил несколько часов беспокойного отдыха. Но подремать на походной кровати удалось недолго — не более двух часов. Наполеона охватило лихорадочное волнение, сухой кашель и сильная жажда, продолжались приступы затрудненного мочеиспускания. Наполеон нервно ожидает наступления утра, то посылая дежурного проверить, не ушли ли русские, то — один раз — выходит из палатки сам. Между 2.30 и 3.00 утра Наполеон сел на коня по имени Люцифер и в полной темноте поехал к

Шевардинскому редуту. Он был болен, мучимый насморком и сильной головной болью. Сопровождаемый дежурными эскадронами, он прибыл к редуту. Большая часть офицеров штаба присоединилась перед рассветом — в начале 6-го. Дождаясь восхода солнца возле редута, император отдавал приказы и наблюдал за передвижениями войск. В четверть шестого начало всходить солнце. С земли поднялся густой туман, но небо было ясным, предвещая теплый и хороший день. “Сегодня немного холодно, — сказал император, обращаясь к свите, — но всходит прекрасное солнце. Это солнце Аустерлица” Все наперебой ответили, что это счастливое предзнаменование^{2xxix9}. Наполеон покинул подножие Шевардинского редута и вместе с Даву, Бертье и Коленкуром проехал немного вперед, к кромке небольшого оврага. Между 5.30 и 6.00 со всех сторон затрубили трубы и затрещали барабаны, раздались клики “Да здравствует император!” — войскам читалась прокламация Наполеона. Примерно в 6 утра прогремел первый выстрел. Началось сражение.

Все утро Наполеон неизменно находился в одном пункте, недалеко от Шевардинского редута. Рядом с ним постоянно находился Бертье. Другие чины — Коленкур, Дюрок, Дюма, командиры корпусов — появлялись рядом с императором только на время, либо отъезжая с поручением, либо отходя к блестящей группе генералов и офицеров, находившейся в двух десятках метров позади Наполеона. Рядом, выстроившись в своеобразную очередь, и держа коней наготове, стояли ординарцы и офицеры для поручений. Передав какой-либо приказ, они возвращались и становились в конец очереди. В стороне от блестящей свиты стояли, тщетно ожидая команды, четыре дежурных эскадрона гвардейской кавалерии, готовые сопровождать императора, если бы тот решил куда-либо направиться. Далее — являясь как бы фоном и располагаясь амфитеатром — были выстроены солдаты императорской гвардии. По центру — 3-я пехотная дивизия Кюриала из двух егерских и трех гренадерских полков, среди которых выделялся своей белой формой 3-й полк голландских гренадеров (майор 85-го линейного Ле Руа даже подумал, что это “вестфальская гвардия”). С правого фланга от солдат Кюриала, выдвинувшись немного вперед, стояла 2-я пехотная дивизия Роге, состоящая из четырех полков. Слева от Кюриала — часть гвардейской артиллерии и блестящие эскадроны гвардейской кавалерии. Перед кавалерией стояли поляки дивизии Клапареда (бывшего Легиона Вислы). Полковые оркестры разыгрывали военные марши, поднимая боевой дух. Вся гвардия была в парадной форме, одетая скорее “на парад, чем на битву”, а генералы, казалось, были не на поле боя, а в Тюильри. Сам Наполеон резко выделялся на фоне этого яркого театрализованного блеска. Как обычно во время похода, он был в зеленом мундире гвардейских конных егерей, сверху которого был серый редингот, а на голове — черная двуугольная шляпа низкой формы. Казалось, как метко заметил Ю.М. Лотман, император демонстрировал, кто был истинным режиссером этого грандиозного спектакля. По замыслу, он должен был стать центром, пружиной всех действий, разыгрывавшихся на Бородинском поле.

Место, выбранное Наполеоном для командного пункта, было, пожалуй, наилучшим. Правда, в литературе получило, вероятно с легкой руки Тьера, обратное мнение. Оно сводится к тому, что, находясь все время вдалеке от поля боя, Наполеон не смог во время уловить решающий момент и выпустил победу из рук^{3xxx0}. Конечно, даже с той точки, где находился император, было весьма трудно следить за перипетиями боя. А.-А. Пион де Лош, капитан гвардейской артиллерии, находившийся невдалеке от императора со своими орудиями, свидетельствовал, что “мы едва разбирали сквозь дым позицию неприятеля”. “Перед нами расстилалось зрелище ужасного сражения, — пишет врач де Ла Флиз, протолкнувшийся к группе офицеров, стоящих за императором, — но ничего не было видно за дымом тысячи орудий, гремевших непрерывно”^{3xxx1}. Но это был

взгляд младших офицеров, не имевших представления о деятельности военачальника. Иного мнения были Дюма, Фэн и Пеле. “Пункт, который выбрал Наполеон, был лучшим для обзора, — свидетельствует Дюма, — он покрывал все поле битвы, и если какой-либо маневр, какой-либо частный успех врага заставил бы изменить диспозицию, бдительность Наполеона не могла бы не проявить себе...” “Ни с какого другого пункта, — вторит ему Пеле, — Наполеон не мог бы видеть совокупность и подробности сражения. Находясь в 500 саженьях от неприятельской линии, откуда часто проносились ядра, он управлял всеми движениями этой великой драмы. Он не мог, впрочем, следить за всеми движениями колонн, или исправлять их, но даже и поправлять некоторые ошибки. Головы колонн исчезали в овраге, поднимались потом не на тех пунктах, на которые им следовало направиться. Приказания часто или превышались, или ослаблялись. Если бы даже Наполеон и мог несколько ближе следить за движениями атаки, и тогда он сделал бы не более”^{3xxxii2}. Действительно, император находился примерно в 1500 м от русской линии. Некоторое время ядра долетали на излете до его наблюдательного пункта. Одни перелетали через головы его свиты, другие падали ближе и подкатывались к ногам Наполеона. “...он их тихо отталкивал, как будто отбрасывал камень, который мешает во время прогулки”^{3xxxiii3}.

Большую часть времени Наполеон прогуливался по небольшому пространству, иногда садился на стул, а то и прямо на землю, либо на медвежью шкуру, которую ему расстилали на склоне оврага; время от времени что-то напевал. Прохаживаясь и напевая что-то вполголоса, он “машинально опускал на мгновение руку в карманчик своего жилета, чтобы вытащить пилюли, которые ему были прописаны от простуды. Его фигура выражала одновременно озабоченность и беспристрастность”^{3xxxiv4}. В 10 часов утра он выпил стакан пунша, продолжая бороться с насморком. В полдень Боссэ спросил Наполеона, не хочет ли он завтракать. Наполеон сделал отрицательный жест. Префект “неосторожно сказал ему, что не существует причины, которая могла бы помешать завтракать, раз это можно; тогда он, — вспоминает Боссэ, — довольно резко попросил меня удалиться”.

Наполеон постоянно держал в руке небольшую складную подзорную трубу, которую временами наводил на поле боя, стремясь сквозь дым что-либо разглядеть. Но главным средством следить за ходом событий были, конечно, многочисленные рапорты. “Каждый миг, — вспоминал Ф. Дюмонсо, офицер 2-го полка гвардейских шволежеров, много часов простоявший к северу от командного пункта и наблюдавший за императором, — офицер-ординарец или офицер штаба приезжал передать рапорт о событиях боя. Они шли прямо к императору и отдавали свой рапорт не слезая с лошади, но сняв шляпу... Император слушал, не поднимаясь со своего стула, сохраняя невозмутимое спокойствие, отвечая кратко и немедленно отправляя обратно”. Наблюдал за императором, “не сводя с него глаз”, и Пион де Лош, чья батарея вначале тоже была к северу от командного пункта, а затем прикрывала его с фронта: “Более ста офицеров главного штаба подбегали один за другим к императору; он выслушивал их рапорты и отсылал движением руки”, как показалось Пион де Лошу, “ни разу не промолвив слова”^{3xxxv5}.

Где-то около 7 утра Наполеону сообщили о ранении маршала Даву. Чуть позже пришло известие, что убита его лошадь, но сам маршал только легко ранен. Наполеон сказал с чувством: “Слава Богу!” Император немедленно приказал Мюрату принять командование от Даву, если принц выбыл из строя. Генерал-адъютант Рапп должен был заменить также выбывшего из строя генерала Ж.-Д. Компана. Понимая, что движение войск Даву столкнулось с большими трудностями, Наполеон немедленно отдает приказ войскам Нея двигаться вперед. Майор Ле Руа, который был в те минуты в ставке, видел

императора сидящим на краю оврага; левый локоть его опирался на землю, сам он смотрел направо, туда, где шел бой. Ле Руа расслышал, как Наполеон сказал адъютанту: “Быстрее езжайте и скажите Нею, чтобы он двигался вперед”^{3xxxvi6}. Через какое-то время к Наполеону прибыл и сам Даву. Император разговаривал с ним, прохаживаясь взад и вперед по маленькому пространству. Маршал “страдаая от контузии, с трудом следовал за Наполеоном” (Боссэ).

Предоставив Нею и Мюрату почти полную инициативу на том участке фронта, который был прямо перед ним, Наполеон продолжал неослабно следить за ходом событий. Несмотря на ожесточенность боя, Ней, по крайней мере, один раз, счел необходимым лично примчаться в ставку и доложить обстановку императору. Лейтенант К. Зукков, прикомандированный к штабу Нея, и с трудом поспевавший за ним на своей маленькой лошадке, увидел, как маршал прискакал на командный пункт Наполеона. Зукков смог расслышать только первые слова императора: “Итак! Маршал?” Зато хорошо увидел, как император, будучи пешим, сердито хлещет воздух своим хлыстом, который держал в руке^{3xxxvii7}.

Менее эффективно мог Наполеон управлять войсками Богарне и генерала Ж.-А. Понятовского. Фактически, он должен был полностью положиться на их опыт и инициативу, добываясь только относительной координации их действий с действиями центральной группировки. Этого как раз и не получалось. К началу 10-го, когда для русских создалась угрожающая ситуация (французы оттеснили их от Багратионовых флешей и захватили Курганную высоту), стройность первоначального замысла Наполеона была уже разрушена. Две дивизии Даву, хотя и захватили южную флешь, но не смогли там утвердиться; Понятовский, встретив сильное сопротивление русских на Старой дороге, не проявил горячей решимости сломить его и помочь войскам 1-го корпуса; Ней, бросив часть войск вправо для поддержки Даву, ослабил удар по северной флешей и создал заметный разрыв между своими войсками и войсками Богарне; наконец, Богарне, вынужденный атаковать батарею Раевского как можно скорее, не ожидая явного успеха Даву и Нея, обрек свои части на быстрый отход с Курганной высоты. Вне сомнения, к началу 10-го Ней и Даву уже не раз просили у Наполеона поддержки, рассчитывая на дивизии Фриана и Клапареда. Но император, верный своему принципу сохранять резервы и понимая, что значительная часть русских войск еще не введена в дело, медлил с решением. Осторожный и методичный Бертье, неизменно находившийся рядом с императором, поддерживал у Наполеона сомнения в необходимости столь решительного и неожиданного шага как использование резервов уже в начальной стадии сражения. Все же, в 9 — самом начале 10-го Наполеон отдает приказ о движении вперед дивизии Клапареда. Однако, достигнув Каменского оврага, она неожиданно была остановлена. Вместо нее на помощь войскам Даву и Нея пошла дивизия Фриана^{3xxxviii8}. Хотя последняя по численности значительно превосходила дивизию Клапареда (7300 против 2500 чел.), на что справедливо указывает российский историк А.И. Попов, но сама задержка с переброской пехотных подкреплений Даву и Нею заметно приостановила их, в целом, успешные действия. Когда к 10 часам Фриан подтянул дивизию в район флешей, русские уже не только смогли привести свои войска в относительный порядок за Семеновским оврагом, но и выбить солдат Богарне с Курганной высоты.

В прежние сражения, отмечает майор гвардейской артиллерии Ж.-Ф. Булар, офицеры обычно с восхищением наблюдали “за тем, как император демонстрировал зрелищный эффект с помощью одного из своих характерных ударов. И теперь мы тоже ожидали увидеть его лицо, озаренное ликованием, как это бывало в дня его расцвета,

когда он демонстрировал какое-нибудь новое чудо. Но сейчас мы ждали напрасно^{3xxxix9}. “Все окружающие с изумлением смотрели на него, — пишет Сегюр, — это была ленивая мягкость, лишенная всякой энергии”.

К 11 часам дня, благодаря введению в бой дивизии Фриана и корпусов резервной кавалерии, дер. Семеновское была взята. “Эту радостную весть, — писал полковник Лежен, — я повез императору. Когда я подъехал к нему, он с живым интересом следил за этим зрелищем...” Французы, оседлав правый берег в верховьях Семеновского оврага, теперь готовились отразить русскую контратаку. Нея, Даву и Мюрат вновь просят подкреплений. Наполеон мог им дать только гвардию^{4x10}. Пытаясь синхронизировать окончательный захват Курганной высоты и захождение правым крылом возле Семеновское, Наполеон решил подкрепить Даву, Нея и Мюрата гвардейской дивизией Роге. Легион Вислы к этому времени уже находился возле слияния руч. Семеновского и Каменки. Но едва солдаты Роге сделали несколько шагов, как император криком приказывает остановиться. Генерал-адъютант Мутон, выравнивая ряды, пытается продвинуть дивизию немного вперед, но Наполеон, заметив это, повторяет приказание. Такая же нерешительность, казалось бы, обнаруживается Наполеоном в отношении гвардейской кавалерии и артиллерии. Где-то в 12 часов дня Наполеон приказывает бригаде гвардейской кавалерии генерала Кольбера двинуться вперед, сблизившись с войсками Нея, “чтобы быть готовыми развить успех” (Дюмонсо). Генерал Сорбье, начальник гвардейской артиллерии, который следил за событиями сражения вблизи и увидел продвижение русского 4-го пехотного корпуса, известил императора, что русские готовятся к контратаке и нельзя терять ни минуты. Вместо ответа Наполеон приказал Сорбье прибыть самому в ставку и дать отчет об увиденном. Этот приказ прибыл как раз в то время, когда одна из колонн русских войск пошла вперед. Сорбье должен был ответить, что не может сейчас оставить свои батареи. Как явствует из Шамбрэ, Сорбье, без консультаций с императором, вновь ввел в дело подчиненную ему батарею. Впоследствии в работах Сегюра и других авторов эти перемещения гвардии предстанут как явные свидетельства драматических метаний императора, который то принимает решение бросить гвардию в огонь, то совершенно отказывается от этого шага. В действительности, вплоть до 3-х или 4-х часов дня император всерьез и не мог задаваться вопросом о прямом и широкомасштабном участии гвардии в сражении. Перемещая Легион Вислы, дивизию Роге и бригаду Кольюбера, он только сблизил их с армейскими частями, ведущими бой, и планировал использовать части гвардии только как резерв, который, впрочем, при острой необходимости можно было сразу ввести в дело.

Окончательный штурм Курганной высоты и развитие успеха у дер. Семеновское пришлось отложить — в полдень северный фланг был атакован русской кавалерией. Источники дают противоречивые свидетельства того, как повлияли на Наполеона эти события. С одной стороны, Пеле и Фэн утверждают, что Наполеон был вынужден сесть на лошадь и лично выяснить обстановку, переехав даже р. Колочь и приблизиться к Московской дороге. С другой, подавляющее число иных свидетельств, в том числе достаточно авторитетных, об этом умалчивает. Судя по всему, император из района Шевардинского редута примерно до 4-х часов никуда не отлучался^{4xli1}. Только к двум часам дня окончательно сложилась обстановка, благоприятная для того, чтобы произвести решающее усилие. К этому времени был парирован русский удар на северном крыле, на крайнем южном фланге Понятовскому удалось добиться успеха, и войска Даву и Нея теперь могли смело совершить захождение фронтом влево. В начале 3-го часа был дан приказ об общей атаке. Роль гвардии в этом решающем усилии должна была быть скромной. Бригада гвардейской кавалерии и Легион Вислы

предназначались для того, чтобы в случае крайней необходимости подкрепить войска, атаковавшие русский центр. Основная часть гвардейской артиллерии, за исключением 12 полковых пушек Легиона Вислы и 24 орудий “батареи Сорбье” были вне боя. Примерно в 3 часа дня батарея Раевского была взята. Начался жестокий бой к востоку от Курганной высоты, в ходе которого русские ввели в сражение конную гвардию. Но и французские войска, как в центре, так и на южном фланге, также были истощены.

Между тем, Наполеон, сообразуясь в течение всего дня с данными, непрерывно к нему поступавшими, понимал, что русские ввели в дело почти все войска и остались практически без резервов. Наступил решающий момент боя. Призывы оказать помощь и использовать резервы, обращенные к Наполеону, теперь стали раздаваться все более часто. Совершенно определенно призыв такого рода прозвучал от Нея и Мюрата, последний посылал с этим к императору не только своих адъютантов, но и, видимо неоднократно, своего начальника штаба О.-Д. Бельяра. К необходимости двинуть гвардию вперед склонялись маршал Ж.-Б. Бессьер, Дюма, Дарю... “Я еще не вижу достаточно ясно, что происходит на моей шахматной доске,” — таков был один из ответов Наполеона на эти призывы. “А если завтра будет битва, кто пойдет сражаться?” — возразил император по другой версии.

Однако Наполеон решается ввести в дело всю или почти всю гвардейскую артиллерию. “Отыщите Сорбье, — заявил Лежену император, — пусть он поставит всю артиллерию моей гвардии на позицию, занятую генералом Фрианом...; он развернет 60 орудий под прямым углом над неприятельской линией, чтобы раздавить ее с фланга...” “Я мчусь галопом к горячему генералу Сорбье, — повествует Лежен далее. — Он не верит мне, едва дает мне время объясниться и нетерпеливо отвечает: — “Мы должны были это сделать более часу тому назад” — и велит следовать за ним рысью. Немедленно вся эта внушительная масса орудий с лязгом цепей и звоном подков 2000 лошадей спускается, пересекает долину, поднимается по отлогому склону... и пускается галопом, чтобы занять пространство, где бы они могли развернуться”. Даже приняв “2000 лошадей” за явную метафору, использованную автором, не только известным мемуаристом, но и художником, можем все-таки предположить, что император отдал приказ о введении в бой всей гвардейской артиллерии. Но Шамбрэ, в 1812 г. капитан гвардейской конной артиллерии, утверждает, что было использовано в общей сложности только 36 орудий гвардии (мы полагаем, что в эту цифру он включил 24 орудия “батареи Сорбье” и 12 полковых пушек Легиона Вислы). По всей видимости, Шамбрэ все же ошибается. Целый ряд иных свидетельств убеждает, что Наполеон использовал до шести десятков орудий гвардейской артиллерии, а с учетом полковых пушек Легиона Вислы, — до семи или немного больше. Основную массу гвардейской артиллерии вывел на позиции в 4 часа дня генерал-адъютант Лористон^{4xlii2}. Таким образом, к 4-м часам дня, когда к востоку от Курганной высоты заканчивали “перемалываться” последние русские резервы, Наполеон уже задействовал значительную часть гвардии: Легион Вислы (3 тыс. при 12 орудиях) был фактически в деле возле “большого редута”, дивизия Роге (3800 чел.) подпирала войска Нея и Даву, и была готова в любой момент войти в огонь, кавалерийская бригада Кольбера (8 эск.) поддерживала атаки 2-го и 4-го корпусов резервной кавалерии, наконец, непосредственно вела огонь большая часть гвардейской артиллерии.

Более того, в 4 часа, когда в бой пошла артиллерия, ведомая Лористонем, Наполеон отдал приказ двинуться вперед всей гвардейской кавалерии, 3-й гвардейской пехотной дивизии и оставшейся артиллерии. Этот приказ, чуть позже отмененный, историками обычно не упоминается. Между тем, о нем писали два офицера артиллерии — Пион де Лош и Булар, а также инспектор смотров Денье. “Около 4-х часов... — свидетельствует

Пион де Лош, — маршал Лефевр крикнул: “Вперед всю гвардию”. Артиллеристы не знали, относилось это к ним или нет. Император закричал нам, проезжая по равнине: “Вперед, пусть трусы погибнут!” Майор Булар также писал, что гвардия была двинута вперед, но затем остановлена и возвращена на старое место. Наконец, поразительно точно совпадают с этими свидетельствами и строки Денье о том, что одновременно с отъездом императора “священные эскадроны медленно выдвигались вперед, казалось им были доверены судьбы мира; уважение, страх, надежды вошли в наши сердца. Внезапно эти войска остановились: император отдал другой приказ!” Сам Денье объяснял это так: “Маршал, имени которого я не назову, приблизился к императору и сказал ему: “Сир, Ваше величество в восьми сотнях лье от своей столицы!” Эти слова, произнесенные басом, были между тем услышаны графом Дарю, государственным министром, который оказал мне честь повторить их”^{4xliii3}. Могла ли эта фраза произвести столь драматический эффект на Наполеона, последующее решение которого имело поистине исторические последствия?

Примерно в половине 4-го Наполеон посчитал возможным позавтракать. Если в полдень он резко отчитал Боссэ за такое предложение, то теперь, хотя кавалерийский бой за “большим редутом” был еще в самом разгаре, но расположение духа у него было иным, — центр русских позиций был почти прорван. Многолетний опыт и интуиция подсказывали императору, что еще полчаса усилий, и наступит решающий момент боя. Тогда можно будет нанести последний, роковой удар резервами. Наполеон съел немного хлеба и выпил стакан неразбавленного красного вина (вероятно, Шамбертена). Когда завтрак только что был закончен, к Наполеону подвели чудом оставшегося в живых на “большом редуте” русского больного генерала П.Г. Лихачева. Наполеон, довольный взятием редута и “подарком”, который ему преподнес Е. Богарне, благосклонно поговорил с пленным генералом несколько минут и, желая закончить столь великий день театральным жестом, приказал возвратить Лихачеву шпагу. Однако старый генерал ответил отказом, мотая головой и повторяя “нет, нет”. Наполеон был удивлен “нетактичностью генерала”, а поляк Р. Солтык, переводивший разговор, попытался сгладить ситуацию, объяснив, что это шпага не генерала, а его адъютанта. Пренебрежительно улыбнувшись, Наполеон отдал шпагу обратно французскому адъютанту, который ее принес, и жестом приказал увести генерала. Полковник Лежен услышал, как император, обращаясь к свите, “сказал настолько громко, чтобы тот услышал: “Уведите этого глупца”. После разговора с русским генералом и его странным жестом Наполеоном овладело заметное беспокойство. “...ему казалось непонятным, — писал Коленкур, — как могло случиться, что захвачено так мало пленных, когда редуты были взяты с такой стремительностью и окружены были со всех сторон кавалерией неаполитанского короля. Он выразил неудовольствие по этому поводу и задал в связи с этим очень много вопросов. Он не скрывал, что желает других результатов и надеется на них. “Мы выиграем сражение, — сказал он, — русские будут разбиты, но дело не будет завершено, если у меня не окажется пленных”. Император казался озабоченным”. В таком настроении Наполеон и отправился в 4 часа дня в рекогносцировку, желая лично увидеть результаты сражения^{4xliiv4}.

С трудом сев на лошадь (в этой поездке император был на Эмире и Куртуа), Наполеон шагом поехал вперед. Любое резкое движение вызывало у него боль. Сомнения, чувство неуверенности и неопределенности с новой силой завладели императором. Если накануне сражения Наполеон ставил перед собой двойную цель — разгромить русскую армию и войти в неприятельскую столицу, то теперь он все более склонялся к иному решению. Цена, которую он реально должен был заплатить за разгром неприятельской армии, превосходила все его предварительные оценки, и могла

оказаться гибельной. Не лучше ли было просто оттеснить русские войска и заставить Кутузова сдать Москву? В этом случае Наполеон, сохранив боеспособность своей армии, извлек бы главным образом политические преимущества, оказавшись в русской столице и, возможно, вынудив Александра к мирным переговорам (о такого рода переменах в акцентах в планах Наполеона писали весьма проницательные современники — маршал Гувион-Сен-Сир и представитель британского правительства при русской армии генерал Р.Т. Вильсон, относя это, правда, к кануну сражения).

Отъехав немного от Шевардинского редута, Наполеон приказал двинувшемуся было вперед гвардейскому резерву, остановиться. Теперь окончательное решение, будет ли брошена вся гвардия в огонь, а фактически — вопрос о изменении всего стратегического плана Наполеона, — зависел исключительно от тех впечатлений, которые произведет на императора поле боя. Советы и комментарии лиц, сопровождавших Наполеона в этой поездке или встреченных им, могли усиливать или ослаблять эти впечатления.

Император пересек Каменский овраг и двинулся в направлении флешей. “Тем временем, — вспоминал Г. Роос, хирург 3-го вюртембергского конно-егерского полка, находившийся со своим перевязочным пунктом у руч. Каменка, — поперек нашего оврага проехал с большой свитой Наполеон. Медленность его передвижения, казалось нам, означает спокойствие и внутреннюю удовлетворенность ходом битвы; ведь мы до сих пор не научились разбираться в выражении его серьезного лица...”^{4xlv5}. Подъехав к флешам, Наполеон далее направляется к дер. Семеновское, “где остается долгое время. Ружейный и картечный огонь так силен, что штабу... приказано слезть с лошадей”. Ружейные пули “поражают каждую выставляющуюся голову. Наполеон почти один отправляется вперед” (Пеле). Император, повторяя, что победа “не доставила еще следствий, которых можно было от нее ожидать”, видит, что русские массы все еще не расстроены, но наоборот, пытаются вновь сконцентрироваться и атаковать. Двигаясь по полю боя, Наполеон пытается оценить примерные потери русской армии. Они, как ему было очевидно, значительно превосходили французские, но могли составить, как он думал, не более 30 тыс. человек^{4xlv6}. Это мнение оказалось ошибочным. Психологически и Наполеон, и французское командование не были еще готовы к восприятию подлинных потерь того дня. Поэтому, зная, что русская армия составляла накануне сражения не менее 130 тыс., император мог предположить, что Кутузов располагает, хоть и потрепанными, но еще значительными силами. Особое впечатление на Наполеона произвело почти полное отсутствие пленных и значительных трофеев. Разбитые пушки, одиночные и раненые солдаты, захваченные французами, явно свидетельствовали о готовности русских продолжать борьбу. И все же, находясь возле дер. Семеновское, Наполеон все еще не отваживается принять окончательное решение отказаться от использования гвардии. Он приказывает войскам Даву и Нея, когда массы русских еще более будут расстроены орудийным огнем, вновь двинуться вперед^{4xlv7}.

К пяти часам вечера Наполеон прибыл к Курганной высоте. Отсюда он обозрел отступившие на километр русские порядки и энергично действующие со стороны дер. Горки батареи. “Наполеон, — отмечал Пеле, — хотел прорвать русскую армию, преследовать ее по пятам, чтобы довершить ее разрушение. Для этого нужно было взять последнее укрепление, этот горкинский редут, который, поддерживая оборону Псаревского оврага, брал в тыл всю местность, лежавшую между селом и редутом кирасир (Курганной высотой — В.З.)”. Действительно, ни взятие Семеновского, ни взятие “большого редута” не привело к прорыву русского фронта и выходу французов на их главную коммуникационную линию. Русская армия могла спокойно отойти в течение ночи. Проехав немного севернее от Курганной высоты, и оставив позади себя

многочисленный штаб, Наполеон, используя заросли и перелески, попытался приблизиться к русским позициям у Горок. С ним были Мюрат, Бертье, Коленкур, Дюрок, Бессьер и один паж. Где-то здесь, возле леска, обстреливаемого русскими, и состоялось историческое решение не посылать гвардию вперед. Материалы Пеле и Сегюра позволяют довольно точно воспроизвести характер того разговора, который здесь состоялся. Император выразил мнение отнять “горкинский редут”; он повторял, что победа “не доставила еще следствий, которых можно было от нее ожидать”. Тогда Мюрат, “указывая на нашу почти совсем разбитую армию, заявил, что для этого потребуется гвардия”. Услышав это, “Бессьер указал на расстояние, отделявшее от нас неприятельские укрепления”, а затем прибавил, “что между Наполеоном и Францией простирается целая Европа и поэтому необходимо сохранить хотя бы эту горсть солдат, на которую император мог рассчитывать”. В свою очередь, Бертье заметил, что слишком поздно, и неприятель укрепился на своей последней позиции и что пришлось бы еще пожертвовать не одной тысячей человек, не добившись удовлетворительного исхода сражения”. Дюрок и Коленкур либо хранили молчание, либо осторожными репликами поддерживали мнение большинства. Возможно, что и тогда, император, мучимый сомнениями, продолжал выражать желание проехать еще вперед, чтобы лучше разглядеть местность и неприятеля. Вокруг свистели пули. Все решил “какой-то генерал или штаб-офицер 1-го корпуса, встревоженный опасностью, которая угрожала императору, взял его за руку и сказал ему: “Здесь не Ваше место. Неприятель заметил эту группу: он наводит пушки в эту сторону”. Наполеон допустил увести себя.

Этот импровизированный военный совет был довольно необычен в практике принятия Наполеоном решений. Чаще всего Наполеон еще до того, как предлагал высказать суждение своим военачальникам, уже имел сформированное мнение; мнение хотя и не окончательное, но достаточно ясное. Соотнося свое представление в решении вопроса с суждениями подчиненных, император либо укреплялся в своем решении, либо вносил в него некоторые частные коррективы. Здесь же все было иначе. Наполеон не только не имел предварительного ясного собственного решения, но и не мог его принять даже после того, как выслушал мнения участников “совещания”. Окончательным толчком к тому, чтобы император определился с историческим решением, стал какой-то безымянный офицер 1-го корпуса!

Император медленно стал возвращаться к Шевардинскому редуту. По дороге он подозвал маршала Мортье и дал приказ Молодой гвардии “охранять поле сражения”, но ни в коем случае не переходить овраг, отделяющий неприятеля. Спустя некоторое время он, в какой-то задумчивости, вновь повторил тот же самый приказ. В 6 или 7 часов вечера Наполеон возвратился к своим палаткам, которые были на этот раз раскинута в тылу Шевардинского редута.

К вечеру погода испортилась. Стало холодно, подул ветер, накрапывал дождь. Бивак был окружен в беспорядке валявшимися еще с 5-го сентября трупами, в основном, русских солдат. “Усталый и сильно страдающий от насморка”, Наполеон “нуждался в отдыхе и уходе” (Солтык). Но прежде император занялся делами: он продолжал получать донесения и отчеты, распорядился подсчитать наличие боеприпасов, получил информацию о мерах, принимаемых для попечения о раненых, отдал ряд распоряжений... Времени и сил не осталось для того, чтобы черкнуть пару строк Марии-Луизе. Он напишет ей только утром. Около 9 часов был подан ужин. Дарю и Дюма были приглашены к столу. “Ужин только что был подан. Он был один и предложил нам сесть справа и слева от него — вспоминал Дюма. — После того, как он справился о том, что было сделано для оказания помощи раненым... он стал говорить о сражении. Моментом позже он заснул — минут на двадцать. Но, внезапно проснувшись,

он продолжал: “Будут удивлены, что я не использовал мои резервы с тем, чтобы добиться более великих результатов. Но я должен сохранить их для решающего удара в большой битве, которую враг даст перед Москвой. Успех дня обеспечен. Я должен обеспечить успех кампании в целом, и вот для чего я сохраняю мои резервы”. Сразу после ужина явился Мюрат, который, согласно Сегюру, стал “просить гвардейскую кавалерию” для преследования русских. “Император отверг с несдержанным раздражением эту... мысль”^{4xlviii8}.

К ночи генерал-квартирмейстер русской 1-й Западной Армии полковник К.Ф. Толь донес Кутузову о “невозможности” защищать позиции с оставшимися 45 тыс. солдат, “особенно когда у Наполеона целый гвардейский корпус не участвовал в сражении”. Русский главнокомандующий дал приказ об отходе. Действительно, только несколько полков русской армии понесли незначительные потери и не были расстроены: 5 егерских полков, 2 полка гвардейской пехоты (Преображенский и Семеновский), Псковский пехотный. В совокупности это составляло около 8-9 тыс. регулярных войск^{4xlix9}. “Иные полки почти совершенно исчезли, и солдаты собирались с разных сторон. Во многих полках оставалось едва 100 или 150 человек, которыми начальствовал прапорщик”, — вспоминал будущий декабрист Н.М. Муравьев⁵¹⁰. Очевидно, что Наполеон при массированном использовании гвардии и с переходом других войск в общее наступление в районе 6 часов мог бы легко сбить русские линии с горкинской позиции, что лишило бы русскую армию возможности к организованному отступлению. Этого не произошло. К утру русская армия, не ощущая даже попыток преследования со стороны неприятеля, отступила по Новой Московской дороге.

Подведем итоги. Очевидно, что напрямую связывать результат Бородинского сражения с “насморком Наполеона” достаточно спорно. Но еще более спорно игнорировать физическое и эмоционально-психологическое состояние человека, от движений ума и души которого зависели судьбы мира. В этом смысле “насморк императора” в дни Бородина в не меньшей степени может быть предметом исследования, чем количество полков, эскадронов и их передвижения. Цельное представление о великом историческом событии может быть создано только соединением воедино “внешней” истории во всей ее возможной фактологической точности с историей “внутренней”, предстающей как через преломление “структур большой длительности” в конкретный момент и в конкретном месте, но и через раскрытие смысла решений и поступков отдельного человека. Полагаем, что физическое и эмоциональное состояние Наполеона явно сказалось на его отказе от введения в бой основной части гвардейского резерва и на укреплении в нем самой надежды на возможность заключения мира в Москве даже в условиях сохранения русской армией ее боеспособности. Все это оказалось решающим для исхода войны с Россией, для судеб Европы и мира.

Примечания

1 “Дорожный дневник” Коленкура // Caulaincourt A.-A.-L. *Memoires*. P., 1933. T.1. P.437. Note 1. Согласно мнению инспектора смотров в кабинете начальника Главного штаба П.-П. Денье, въезд императора в город состоялся в 10 утра. — Denniee P.-P. *Itineraire de l'Empereur Napoleon pendant la campagne de 1812*. P., 1842. P.83.

2 Chambray G. *Histoire de l'expedition de Russie*. P., 1838. T.2. P.252. Note 17; Meneval C.-F. *Memoires to serve for the History of Napoleon I. L.*, 1894. T.3. P.55; Caulaincourt A.-A.-L. *Op. cit.* P.437-438. Note 2; Denniee P.-P. *Op.cit.* P.83-84; Fain A.-J.-F. *Manuscrit de 1812*. P., 1827. T.2. P.45-46.

3 Подробнее см. Земцов В.Н. Французская историография Бородинского сражения // Отечественная

война 1812 года. Источники, памятники, проблемы. Бородино, 1999. С.53-73; Его же, Битва при Москве-реке. Армия Наполеона в Бородинском сражении. М., 1999. С.6-29.

4 Жомини А.-А. Политическая и военная жизнь Наполеона. Изд-ие 3-е. СПб., 1844. Ч.2. С.271.

5 “Дорожный дневник” Коленкура... P.424. Note 1; Castellane V.-E.-B. Journal. P., 1899. T.1.P.147.

6 Vionnet de Maringone L.-J. Souvenirs... Campagnes de Russie et de Saxe. P., 1899. P.6; Castellane V.-E.-B. Op.cit.P.147.

7 Различные аспекты “медицинской жизни” Наполеона традиционно являются предметом усиленного внимания зарубежных исследователей. Наиболее интересными работами, по нашему мнению, являются: Aubry O. Napoleon privat. Leipzig, 1940; Garniere P. Corvisart: Medecin de Napoleon. P., 1951; Kemble J. Napoleon immortal. The medical history and private life of Napoleon Bonaparte. L., 1959; Hillemand P. Pathologie de Napoleon. P., 1970; Neumayr A. Diktatoren im Spiegel der Medizin. Vienna, 1995. На русском языке имеется переводная работа профессора А.Ноймайера: Ноймайр А. Диктаторы в зеркале медицины. Наполеон. Гитлер. Сталин. Ростов-на-Дону, 1997.

Основные заболевания Наполеона, которые ему особенно досаждали в 1812 г., были следующие. Во-первых, геморрой, который серьезно мешал императору ездить верхом, сопровождался болями и запорами (генерал-адъютант Ж.Рапп, к примеру, свидетельствовал, что 26 августа у Дорогобужа Наполеон определенно страдал от тяжелого запора - Rapp J. Memoirs of general count Rapp... L., 1823. P. 194). Во-вторых, ишурия, проявлявшаяся в задержке мочеиспускания. Современные медики склонны считать, что это было заболевание, которое сегодня обычно называют дизурией, и которое у Наполеона было связано либо с психическими перегрузками (хирург императора Ивон отмечал, что на эмоциональные перегрузки организм Наполеона реагировал спазмами желудка и мочевого пузыря), либо с шистозоматозом, обусловленным специфической инфекцией, занесенной еще в Египте. В-третьих, с 1811 г. у Наполеона начал развиваться нейроэндокринный синдром, проявлявшийся в ослаблении энергии, в усталости, в снижении веры в себя.

8 Vionnet de Maringone L.-J. Op.cit. P.7; Castellane V.-E.-B. Op.cit. P.147.

9 Поликарпов Н.П. К истории Отечественной войны 1812 г. М., 1911. Вып. 1-3; Коллюбакин Б.М. Ход войны на главном театре действий в период с 8 по 17 августа // Отечественная война и русское общество. М., 1912. Т.3. С.198-221; Федоров В.П. От Царева Займища до Бородина // Там же. Т.4. С.8-16.

10 Верещагин В.В. Наполеон в России. Тверь, 1993. С.18; С.129. Примеч.; Его же, Листки из записной книжки // Повести. Очерки. Воспоминания. М., 1990. С.242-243. Перед походом на Россию, а скорее всего, еще ранее, Наполеон “выучил несколько польских слов и пользовался ими при всяком удобном случае” (А. Вандаль). Если рассказ, приводимый Верещагиным, не просто легенда, то, по нашим расчетам, посетить монастырь Наполеон мог только 5 сентября до полудня. Сегодня с колокольни Колоцкого монастыря район Бородинского поля просматривается очень плохо. Если даже принять во внимание, что в 1812 г. ландшафт поля был менее лесистым (См.: Бородинское поле. История, культура, экология. М., 1994), то вряд ли наблюдение с колокольни позволило императору составить сколь бы то ни было ясное представление о расположении русских войск.

11 Образцы тех карт, которыми император пользовался в русскую кампанию, были изданы, в частности, Г. Фабри в начале XX в. Эти карты сделаны на основе большой русской карты в 54 листа и, нередко искажая местность, не давали представления о рельефе. На картах были обозначены только основные дороги, населенные пункты, расстояния в лье между ними, и кое-где у рек был обозначен высокий берег.

12 Castellane V.-E.-B. Op.cit. P.147; Lejeune L.-F. Memoires du general Lejeune. P., 1895. P.205; Vionnet de Maringone L.-F. Op.cit. P.8; Dumonceau F. Memoires. Bruxelles, 1958. T.2. P.133; etc.

13 См. Fain A.-J.-F. Op. cit. P.7; P.19. Note 1.

14 Так, к примеру, Рапп свидетельствует, что Наполеон работал в палатке перед сражением до 5.30. Это невероятно ни в отношении ночи с 5-е на 6-е, ни ночи с 6-е на 7-е сентября. Перекрестная проверка всех достоверных источников говорит о том, что уже в 2 - 2.30 утра 6-го и 7-го император был на коне.

15 Rapp J.Op.cit. P.201-203.

16 “Одержав победу, мы снесем преграду!” Одна из любимых французскими солдатами песен той эпохи.

17 Denniee P.-P. Op.cit.P.67; Caulaincourt A.-A.-L. Op. cit. P.423.

18 Bausset L.-F.-J. Memoires anecdotiques... Bruxelles, 1827. T.2. P.90.

19 The Letters of Napoleon to Marie-Louise. L., 1935. P.88. По мнению Ф.Массона, портрет был отправлен по поручению м-ль де Монтескье (Masson F. Napoleon et son fils. P., 1904. P.230).

20 The Letters... P.94.

21 Bausset L.-F.-J. Op.cit. P.90-91; Meneval C.-F. Op.cit. P.52-53; Castellane V.-E.-B. Op.cit. P.148; Наполеон - Марие-Луизе, 9 сентября // The Letters...P.98; Brandt H. Memoires // Chuquet A. 1812. La Guerre de Russie. Notes et documents. P., 1912. Ser. 2. P.35;Gourgau G. Napoleon et la Grande Armee en Russie... 2-е ed. P.,

1825. P.213 ; Сегюр П.Ф. Поход в Москву в 1812 г. М., 1911. С.131. Сегюр писал, что Наполеон выставил портрет у палатки собственноручно. Детали “истории” с портретом Орленка достаточно хорошо реконструируются. Свидетельства вполне достоверны. После вступления Великой армии в Москву этот портрет висел в покоях Наполеона. Во время отступления он был потерян. К счастью, Жерар выполнил многочисленные повторения и даже выгравировал портрет.

22 Наполеон - военному министру Кларку. Гжатск, 2 сентября 1812 // *Correspondance de Napoleon*. P., 1868. T.24. N 19175. P.201-203.

23 О беседе с Фавье см. : Caulaincourt A.-A.-L. *Op.cit.* P.423; Пеле Ж. Бородинское сражение // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских. 1872. Кн.1. М., 1872. С.62; Gourgaud G. *Op.cit.* P.212-213; Fezensac M. *The Russian Campaign*. 1812. Athens, 1970. P.30; Brandt H. *Op.cit.* P.35; Fain A.-J.-F. *Op.cit.* P.9-10. О том, что “мурлыкал” Наполеон см. Fain A.-J.-F. *Op.cit.* P.9-10.

24 А.-А. Жомини, попытавшийся позже систематизировать типы боевых порядков Наполеона, отнес замысел Бородинского сражения к так называемому “штурмовому порядку с колоннами одновременно в центре и на одном из крыльев”. По мнению Жомини, “атака в центр со вспомогательной атакой крыла, обходящего неприятеля, мешает последнему... обрушиться на фланг атакующего. Неприятельское крыло, сжатое между атакующим центром и крылом противной стороны, которому приходится, таким образом, сражаться почти со всей наступающей массой, по всей вероятности, будет подавлено и разгромлено” (Жомини А. *Очерки военного искусства*. М., 1939. Т.2. С.18). Реально это сделать не удалось, как мы полагаем, в силу целой совокупности факторов, не последнюю роль в которых сыграло поведение французского главнокомандующего.

25 Chuquet A. *Op.cit.* P.53-54. А.Шюке ссылается на Э.-Д.Паскье, известного деятеля и мемуариста I Империи. На о-ве Св.Елены Наполеон заявил, что “при Бородино Даву допустил ошибки” (Chandler D.G. *On the Napoleonic Wars*. L., 1994. P.111). Какие?! Ведь в итоге оказалось, что передав две дивизии Даву Е.Богарнэ, Наполеон столь ослабил 1-й корпус, что тот не смог сходу взять “флешы”, чем сразу был сбит темп действий французской армии. Наполеону следовало винить самого себя в неудаче под Бородином.

26 Дальнейшее развитие микроистории применительно к военной истории невозможно без обращения к военной психологии. Сегодня можно назвать только единичные работы, в которых была сделана попытка применить скоординированные данные военной психологии к историческому прошлому. Одна из таких работ, где дан анализ психологии Наполеона как полководца, принадлежит перу известного отечественного психолога Б.М.Теплова: Теплов Б.М. Ум полководца // *Избранные труды*. М., 1985. Т.1.

27 Blond G. *La Grande Armee*. 1804-1815. P., 1979. P.337; Palmer A. *Napoleon in Russia*. P., 1967. P.103; Delderfield R.L. *The Retreat from Moscow*. L., 1967. P.26. Современные медики связывают отеки ног Наполеона с так называемыми “статическими причинами”, то есть с замедлением оттока венозной крови вследствие варикозного расширения вен и/или нарушением функции венозных клапанов.

28 *The Letters...* P.95.

29 *Dix-huitieme bulletin // Bulletins officiels de la Grande Armee*. Campagne de Russie et de Saxe. P., 1821. P.100; “Дорожный дневник” Коленкура... P.432.Note 11; Castellane V.-E.-B. *Op.cit.* P.148; Fezensac M. *Op.cit.* P.30; Solytk R. *Napoleon en 1812*. P., 1836. P.213; Vaudoncourt F.-F.-G. *Memoires pour servir a l'histoire de la guerre entre la France et la Russie, en 1812*. L., 1815. Т.1. P.180-181; Fain A.-J.-F. *Op.cit.* P.19; Chambray G. *Op.cit.* P.46-47. Поднимавшееся тем утром солнце Бородина вызвало те же ассоциации и у простых старых солдат (См. Bro. *Memoires du general Bro*. P., 1914. P.115).

30 Thiers L.-A. *Histoire du Consulat et de l'Empire*. P., 1856. Т.14. P.328-329; Tranie J., Carmigniani J.-C. *La campagne de Russie*. Napoleon - 1812. P., 1981. P.155-156; Le Seigneur B.-J., Lacombe E. *La Valeur du commandement: l'exemple de la Moskowa // Revue historique des armees*. 1990. Vol.181. P.69; etc.

31 Pion De Loches A.-A. *Mes campagnes*. P., 1889. P.290; Французы в России . 1812 год в воспоминаниях современников-иностранцев. М., 1912. Т.1. С.147.

32 Dumas M. *Souvenirs*. P., 1839. Т.3. P.439-440; Пеле Ж. Указ. Соч. С.78-79. См. также Fain A.-J.-F. *Op.cit.* P.22.

33 Bausset L.-F.-J. *Op.cit.* P.90-92; Solytk R. *Op.cit.* P.218; Dennie P.-P. *Op.cit.* P.75; Французы в России... С.147; и др.

34 Dedem de Gelder. *Memoires du general Dedem de Gelder*. 1774-1825. P., 1900. P.236; Solytk R. *Op.cit.* P.218; Сегюр П.Ф. Указ.соч. С.32; Pion Des Loches A.-A. *Op.cit.* P.290; Castellane V.-E.-B. *Op.cit.* P.150; Chambray G. *Op.cit.* P.65; etc.

35 Bausset L.-T.-J. *Op.cit.* P.96; Dumonceau F. *Op.cit.* P.138; Pion Des Loches A.-A. *Op.cit.* P.290.

36 Le Roy C.-F.-M. *Souvenirs // Memoires de la Societe Bourguingnonne de geographie et d'histoire*. Dijon, 1894. Т.29. P.157. По другим свидетельствам, приказ Нею был передан через генерал-адъютанта Мутона.

37 Suckow. *D'Iena a Moscou. Fragments de ma vie...* P., 1901. P.181. Пеле свидетельствует, что Наполеон

-
- через графа Лобо действительно вызывал Нея за получением приказаний от императора (С.78. Примеч.).
- 38 “Это промедление, — пишет Шамбрэ, — стоило 1/2 часа; запаздывание оказало великое влияние на весь ход сражения, а затем и на судьбу Наполеона” Р.65)
- 39 Boulart J.-F. *Mémoires militaires*. P., 1892. P.254-255.
- 40 Вопрос о той роли, которую сыграл отказ Наполеона использовать императорскую гвардию, является, пожалуй, наиболее важным и дискуссионным среди всех остальных проблем, которые пытались разрешить современники событий и последующие историки. Разброс мнений по этому вопросу просто поражает, и мы не в состоянии представить здесь хотя бы основные точки зрения. Напомним только, что численность гвардии Наполеона составляла примерно 11,5 тыс. пехоты, 4 тыс. кавалерии и 3300 чел. в артиллерии при 109 орудиях.
- 41 История об этой поездке принадлежит перу исключительно одного Фэна, который что-то напутал. Что же касается Пеле, который в то время мог находиться в районе Семеновского оврага, то этот эпизод им был включен явно под влиянием Фэна.
- 42 Pion Des Loches A.-A. *Op.cit.*P.291; Fain A.-J.-F.*Op.cit.*P.31; Сегюр П.Ф. Указ.соч.С.32.
- 43 Pion Des Loches A.-A. *Op.cit.*P.291; Boulart J.-F. *Op.cit.*P.255; Denniее P.-P. *Op.cit.*P.78-79.
- 44 Caulaincourt A.-A.-L. *Op.cit.*P.427; Lejeune L.-F. *Op.cit.*P.215-216; Пеле Ж. Указ.соч.С.84. Примеч.23; Solyk R. *Op.cit.*P.242;etc.
- 45 Роос Г. С Наполеоном в Россию. Записки врача Великой армии. М., 1912. С.160. Г.А. Восслеру, лейтенанту прусского гусарского полка “Принца Луиса”, оказавшемуся на перевязочном пункте Рооса, также показалось, что Наполеон “выглядел равнодушным и отчужденным” (Vossler. *With Napoleon in Russia*. 1812. L., 1969.P.63).
- 46 Наполеон — Марие-Луизе. Бородино, 8 сентября 1812 г.// *The Letters....*P.97.
- 47 О поездке Наполеона см. свидетельства ее участников и других наблюдателей: “Дорожный дневник” Коленкура. Р.423.Note 1; Dumas M. *Op.cit.*P.438; Solyk R. *Op.cit.*P.244; Seruzier T.-J.-J. *Mémoires militaires*. P.,1894. P.214; Пеле Ж. Указ.соч. С.85-88; Сегюр П.Ф. Указ.соч.С.40; и др.
- 48 Fain A.-J.-F. *Op.cit.*P.43-44; Dumas M. *Op.cit.*P.440-441; Сегюр П.Ф. Указ.соч.С.41; и др.
- 49 Михневич Н.П. Бородино// *Отечественная война и русское общество*. М., 1912. Т.3. С.25. Примеч.1; Кац Б. Подлинные потери русской армии в Бородинском сражении // *Исторический журнал*. 1941. № 7-8. С.126; и др.
- 50 Цит. по: Россия и Наполеон. Отечественная война в мемуарах, документах и художественных произведениях. М., 1913. С.144.